

М.ЮДОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БАЙКИ

Литературные байки Михаил Юдовский

Вот случай 2010 года в Киеве. У меня был, извиняюсь за выпренность, творческий вечер в Доме Актера, но меня поддержали на сцене сразу несколько людей: Игорь Жук (прекрасный поэт и бард, который пишет на замечательнейшем и естественном украинском), Коля Чернявский, Олег Рубанский, Володя Новиков. После концерта дарят цветы, естественно, женщины, но мне вдруг преподносит букет мужчина. Да еще и говорит: «Люблю». Я изумился, но сделал вид, что не смущен и спрашиваю: «Меня?» «Нет, - говорит, - стихи». «Мои?» - спрашиваю. «Нет, - говорит. – Вообще».

Зима 2009, Киев, свои стихи читает Юрий Каплан, убитый летом того же года. Когда вечер заканчивается, подходит ко мне и спрашивает:

- Слушай, ты выпить с собой не принес?

- Принес, - отвечаю и достаю армянский коньяк.

Выпили по рюмке, он говорит:

- Гений! Слушай, а ты блядей с собой не привез?

- Нет, - отвечаю, слегка опешив.

- Злодей! - заявляет он. - Давай по второй.

Сан-Диего, США, 1994 год. Вечер Олега Басилашвили, читает поэзию Серебряного Века. Бешенно хлопает человек явно американской наружности. После представления Галя Б., организовавшая вечер, приглашает всех в свой дом. Американец пьет наравне с русской публикой. Басилашвили пьет очень мало, но случилось так, что у нас с ним завязалась беседа. Вдруг подскакивает американец, осыпает его английской речью, Басилашвили не понимает. Тогда американец обращается ко мне.

- Переведи ему, - говорит, - что я обожаю русскую поэзию. Хотя ни слова по-русски не понимаю. Но просто счастлив, что мне довелось познакомиться с великим русским поэтом 20-го века.

Я, едва сдерживая хохот, перевожу Басилашвили эту речь.

Басилашвили внимательно выслушивает, а потом говорит:

- А вы бы не могли у него спросить, что он еще про меня знает? Мне ведь тоже интересно.

Лондон, 2011, отель «Маджестик». Естественно, пьем. Вдруг Виталик Шнайдер предлагает тост:

- За русскую поэзию!
- На это отвечает Мишка Сипер:
- Не чокаясь.

Киев, февраль 2012, выступаю со стихами и прозой. Перед началом вечера подходит ко мне поэт В., личность довольно одиозная, и говорит:

- Слушайте, а ничего если я в конце вашего выступления спою свою песню?
- Пойте, - отвечаю.
- Отлично, - говорит он. – А еще я вам подарю свою книгу.
- Спасибо, - киваю.
- А еще, - продолжает он, - я вам подарю свой диск.
- Тронут, - говорю. – Ну, я пошел читать.
- А еще, - не отпускает он меня, - я...
- Слушайте, - говорю, - может, вы просто выступите вместо меня?

Киев, 2010, Дом актера. Опять таки, читаю стихи и прозу. В перерыве подходит ко мне молодая поэтесса панковского вида, но с милым именем Настя и говорит:

- Слушай, как это у тебя получается в микрофон читать?
- А что тут такого? – удивляюсь.
- Мне, - объясняет Настя, - когда я беру в руки микрофон, хочется в него матюкнуться. Тебе никогда не хотелось матюкнуться в микрофон?
- Я об этом как-то не думал, - отвечаю.
- А ты подумай, - говорит Настя. – Впереди еще второе отделение.

В 2009 я написал стишок «Цирк» про дрессированного медведя и укротителя дядю Вову. Написал экспромтом, в ритме детской считалочки, на форуме «ПвБ». Потом разместил на Стихи.ру и в своем ЖЖ. Целый год этот стишок мирно покоился, никого не трогая, но в 2010 началась странная история. Кто-то скопировал его и распространил по интернету как стих Агнии Барто, сочиненный ею в 1957 году. Куча народ заговорила о «провидице Барто». Потом последовали опровержения – это, мол, не Барто, а некто Михаил Юдовский. Кто-то написал, что Юдовский был мужем Барто и писал стихи за нее. Меня стали спрашивать. Я поначалу отвечал, что быть провидицей – это пустяк, а вот написать стих за 9 лет до своего рождения – тут действительно зверский талант нужен. Потом перестал реагировать.

И вот год назад читаю я с другими поэтами свои стихи в Мангейме и меня объявляют так:

- А теперь выступит поэт Михаил Юдовский, автор стихотворения Агнии Барто «Цирк».

Я решил не срывать вечер и не говорить вслух, что я думаю по этому поводу. Дочитал. После вечера подходит ко мне пожилой человек, доверительно хватая за рукав и спрашивает:

- Так это вы написали стих про Агнию Барто?

- Нет, - отвечаю, - я про Агнию Барто не писал, я про «Цирк» писал.

- Как? Разве про «Цирк» не Агния Барто писала?

- Нет.

- А про что Агния Барто писала?

- Про меня.

- Как это про вас?

- А вот так: «Уронили Мишку на пол, оторвали Мишке лапу».

И, чтобы не наговорить лишнего, отхожу. Вслед слышу:

- Лапу ему оторвали... Голову надо было оторвать.

Лондон, аэропорт Хитроу, 2011. Прилетаю на турнир «Пушкин в Британии», прохожу паспортный контроль. За окошком немолодая индуска, настроенная то ли недружелюбно, то ли подозрительно. Внимательно изучает мои документы, затем спрашивает:

- Цель приезда?

- Пушкин в Британии, - отвечаю кратко и рассеянно.

Она снова глядит в мой паспорт, затем на меня.

- Ничего не понимаю, - говорит. – Вы – мистер Пушкин?

- Нет, - удивляюсь.

- Мистер Пушкин – приглашающая сторона?

- Куда, - говорю, - приглашающая? На тот свет?

- Так вы не у мистера Пушкина будете жить?

- Боже упаси! – отвечаю.

- Так. А кто же приглашающая сторона?

- Мистер Борушко, - говорю.

- А вы кто?

- Мистер Юдовский.

- А мистер Пушкин кто?

- Русский мертвый поэт.

Она замолчала секунд на десять, затем снова спрашивает:

- У вас в Лондоне секта?

- Нет.

- Но это не террористическая организация?

- Надеюсь, что нет.

- Что значит «надеетесь»?

- Да какая террористическая организация! Это турнир поэтов.

Я думал, она сейчас спросит: «Мертвых?» Но она сперва куда-то позвонила, затем отлучилась минут на пять. Возвращается, заглядывает в мой паспорт и спрашивает:

- Ваше имя?

- Юдовский, - отвечаю.

- Всё в порядке, - неожиданно говорит она. – Проходите.

Я вздыхаю облегченно, забираю паспорт и прохожу мимо нее. Но ей то ли неловко сделалось за свои распросы, то ли захотелось показать, что она все правильно поняла и запомнила, и она вдогонку говорит::

- Удачи! И привет мистеру Пушкину (Good luck and best regards to Mr Pushkin).

Случай с прозой. Читаю на одном вечере (опять таки в Киеве) свой рассказ «Богиня и юродивый». Там очень много слов и целых фраз по-украински, как на мой взгляд – самые смешные в рассказе места.

Публика, что приятно, смеется, а один человек в первом ряду хохочет, как умалишенный. Рассказ и так длинный, а с его хохотом растянулся на полчаса. В перерыве, продолжая плакать от смеха, он подходит ко мне и говорит:

- Ваш рассказ – блеск!

- Рад, что вам понравилось, - отвечаю.

- Понравились – не то слово! Давно так не смеялся. Жаль только, что я по-украински не понимаю.

Читаю стихи и рассказы в ноябре 2011 в Лондоне, в Пушкинском Доме. Вся публика русская, кроме одного англичанина – видимо, слависта. В перерыве он подходит ко мне и говорит:

- Извините, мне очень нравится, но вы читаете слишком быстро и я не успеваю вас понимать.

После перерыва я стараюсь изо всех сил читать помедленней, но обнаруживаю, что сам перестаю себя понимать и что это уже не чтение, а диктант. Перехожу на обычный тон и темп. По окончании вечера англичанин подходит ко мне и говорит с некоторой обидой:

- Вы все равно читаете слишком быстро.

- Извините, - отвечаю, - может, это не я быстро читаю, а вы медленно слушаете?

Байка не совсем про поэзию, но связанная с турниром «Пушкин в Британии». 2011 год, гуляю под Гайд-парку и Кенсингтонским садам, благо это недалеко от русского посольства. До приема в посольстве еще более часа. У входа в парк висит табличка, предписывающая держать собак на поводке. Неожиданно ко мне подсакивает

лохматый черный пес, начинает играть и оказывать прочие собачьи знаки внимания. Отвечаю псине тем же дружелюбием, вдруг слышу обеспокоенный голос хозяйки-англичанки:

- Глостер, Глостер! Иди сюда! Немедленно!

- Уже иду, - отвечаю, подняв голову.

- При чем тут вы? – удивляется англичанка. – Я собаку зову.

- Извините, - говорю. – Я подумал, что меня. Меня тоже Глостером зовут.

- Вы – Глостер? – спрашивает она изумленно.

Киваю.

- Граф Глостер?

Смущенно пожимаю плечами, как бы конфузясь принадлежности к графскому роду.

- А почему вы разговариваете с акцентом?

- Родители были вынуждены эмигрировать в Южную Америку, - отвечаю немного таинственно, - так что на свет я появился за границей.

Она явно хотела продолжить этот разговор (скорее всего, каким-нибудь ядовитым замечанием), но Господь, видимо, действительно любит дураков, поэтов, пьяниц и врунов. По дорожке парка проезжают две кареты с гербами в сопровождении одного полицейского-мотоциклиста.

- Извините, - говорю даме с облегчением, - это за мной. – А затем киваю псу: - Пока, тёзка!

Признание как поэт я впервые получил в армии. Подходит ко мне однажды командир соседнего взвода, старлей по фамилии Хорьков, и говорит:

- Слушай, ты ведь, наверно, стихи пишешь?

- А с чего вы взяли, что я стихи пишу? – спрашиваю.

- Ну, - говорит он, - у тебя бывают... ну, как это говорится... глаза тупые.

- Может, - подсказываю, - взгляд отсутствующий?

- Во-во, - кивает он. – Взгляд отсутствующий и глаза тупые. А у меня, понимаешь, завтра ровно год свадьбы, хочу Варюхе, жене, необычный подарок сделать. Напишешь для нее стихи, типа от меня. Я уже открытку купил. – И протягивает мне открытку.

- Ладно, - говорю, - попробую.

- Попробуй. А я в долгу не останусь.

- Вы уж лучше останьтесь в долгу, - говорю. – На всякий случай.

- Вот сразу видно, что поэт, - заявляет старлей. – Что-то, вроде, говоришь, а чего говоришь – ни хрена не понятно.

Короче, взял я у него открытку, вспомнил о ней только под вечер и быстренько написал какую-то чушь:

Я хочу с тобою, Валя,
Без печали и тоски
Жить, любя и фестивалю
Вплоть до гробовой доски.

Через некоторое время в казарму вбегает Хорьков, находит меня, спрашивает:

- Написал?

- Написал, - говорю и даю ему открытку.

Он ее в планшет сунул, не глядя, и помчался прочь. На следующее утро появляется в казарме с оплывшим глазом и орет:

- Где этот, бляха, поэт? Где этот, сука, Достоевский?

Затем обнаруживает меня, подходит, кипит от злости, достает открытку и принимается махать ею перед моим носом и плевать:

- Ты чего, гад, написал? Ты чего написал, падло?

- А что, - спрашиваю, - рифма плохая?

- Какая, нахер, рифма! Мою жену Варей зовут! Варей, а не Валеи! Она как прочла... Вот бы сейчас тебе так же в глаз захерачить! Она мне говорит: я тебе, говорит, пофестивалю с твой Валеи. Я тебе, говорит, этой гробовой доской по твоей кобелячей башке дам и ею же накрою... Устроил ты мне, бляха, годовщину свадьбы. Стрелять вас, поэтов, надо!

Киев, год, по-моему, 91-й. Купили мы с другом-поэтом по бутылке пива и одного рака на двоих, отправились на стройку неподалеку, запрыгнули в маленький котлован, быстро выпили и закусили и, видимо, под влиянием пива, рака и окружающей индустриальной романтики стали читать стихи. Тут на краю котлована появилась овчарка и уставилась на нас.

- Ну, - говорит мой друг, - вот и слушатели начали сходиться..

Овчарка посмотрела на него и гавкнула.

- Это не слушатель, - говорю. – Это критик.

На своем вечере (точнее – по времени – полднике) в Шпайере я продавал книги и подписывал их. Тут ко мне подходят двое, мужчина и женщина, и говорят:

- Вы нам книги неправильно надписали.

- Что значит неправильно? – спрашиваю.

- Я - Сергей, - поясняет мужчина, - А она – Инга. А вы ей надписали как для Сергея, а мне как для Инги.

- Ну, так поменяйтесь книгами, - говорю.

Они переглянулись и с совершенно не понятной мне логикой заявляют:

- Нет, это тоже как-то нехорошо. Книги-то вы для каждого конкретно предназначали, только надписали неправильно.

- Тогда, - говорю, - поменяйтесь паспортами.

Моя киевская знакомая однажды говорит мне (дело, к слову, происходит на рубеже 80-х и 90-х):

- Мишаня, я хотела бы представить тебя моим родителям.

- Если хочешь расстаться, - отвечаю, - то для этого есть способы попроще.

- Мишаня, пожалуйста, ради меня!

Короче, я согласился. Приходим к ней, садимся за накрытый в гостиной стол обедать. Родители знакомой – в первую очередь, конечно, мама – словно невзначай следят за тем, как я ем, как пью, как ползуюсь салфеткой. Эти смотрины начинают бесить меня настолько, что хочется ляпнуть какую-то псевдоучтивую пакость и удалиться. Наконец, допили чай, ее мама осведомляется:

- Говорят, вы пишете?

- Пишу, - отвечаю, внезапно ощутив ненависть к писанию.

- Может, почитаете что-нибудь? – предлагает она таким тоном, словно, скрепя сердце, оказывает неслыханную милость.

- С удовольствием, - говорю. Подхожу к журнальному столику, беру газету и начинаю читать вслух: - «В ближайшие дни в Вологодской области ожидаются сильные заморозки...»

Тут голос впервые подает папа моей знакомой:

- Очень интересно. Продолжайте, пожалуйста.

Один человек, прочтя мою поэму «Тайная вечеря», пишет мне: «Так Вы христианин? Во блин, а я думал – еврей». Отвечаю ему: «Я и есть еврей. Но у меня имеются также вещи про древних греков, про римлян, про собак, про кошек, а еще рассказ про грузина и ворона. Не хотите спросить, почему я пишу про ворона и грузина, хотя сам не ворон и не грузин?»

Спустя некоторое время получаю неожиданный ответ: "Точно не ворон?"

Проходим с приятелем мимо дома-музея Шевченко в Киеве. Приятель мой, родившийся в Приморье и не говорящий по-украински, приинимается читать по слогам мемориальную табличку: «В цьому будинку жив видатний український поет та письменник ...» и так далее.

- А я почти всё понял, - хвастливо заявляет мой приятель. – Одного только не пойму: так он умер или «жив»?

В последние времена в Киеве появилось много скамеек с бронзовыми скульптурами поэтов, актеров, архитекторов. Люди садятся рядом с ними и фотографируются. Пару лет назад я с моим приятелем-мимом устроили такой фокус: он обрызгал себя и одежду бронзовой краской, как это делают некоторые уличные артисты, сел на скамейку и застыл. Я примостился рядом с ним. Вскоре к нашей скамейке подходит какой-то человек, ищет глазами табличку, чтобы узнать кому памятник, не обнаруживает и обращается ко мне:

- Вы случайно не знаете, кто это?

Тут скульптура медленно встает, плавно указывает на место рядом со мною и говорит:

- Это поэт Михаил Юдовский. Хотите с ним сфотографироваться?

У человека оказались на удивление крепкие нервы. Он, правда, вздрогнул, но тут же пришел в себя, посмотрел на «памятник», затем на меня, покачал головой и говорит:

- Нет, не хочу. Вот если б он был бронзовый...

Лондон, 2012, «Россотрудничество», последний день турнира «Пушкин в Британии», прощаемся. Максим Амелин и Наташа Резник успели отлучиться в магазин и вернуться с двумя бутылками коньяка. Сначала пьем с Максимом и Мишей Поповым, затем направляемся «прощаться» с Олегом Борушко. Я говорю:

- Надо бы выпить.

Вспоминаем, что коньяк остался у Амелина. Я ему рукой машу – мол, Максим, давай к нам. Он подходит радостно и говорит:

- Наливайте.

Наташа ему:

- Что значит наливайте? У тебя же бутылка..

- Та уже пустая, - объясняет Максим. – А вторая у тебя.

Наташа порылась в сумке – действительно, бутылка там. Достала, открыли, разлили по стаканам.

- Ну вот, - говорит Амелин всё так же радостно. – А говорят, долгие проводы – лишние слезы. Мне лично нравится долго прощаться.

«Эмигрантская лира», Брюссель, 2009 год. Приезжаю, захожу в уютный дворик, где должен пройти фестиваль. На скамейке сидят двое пожилых мужчин, один даже с палочкой. Как оказалось впоследствии – Кенжеев и Цветков, члены жюри. Знакомлюсь, представляюсь по имени:

- Миша.

Они мне:

- Бахыт.

- Алексей.

Честно признаюсь, ничего мне эти имена не сказали, я никогда не был знаком с поэтическим "бомондом".

- Очень приятно, - говорю. - А вы тоже участвуете?

Тот, что назвался Бахытом, посмотрел на меня нехорошо и отвечает:

- Так участвуем, что тебе это еще запомнится.

Февраль 2012. Редакция одного киевского журнала, в очередном номере которого вышел цикл моих рассказиков. Сидим, празднуем. На столе коньяк, виски, легкая закуска. Один из авторов того же номера, хорошенько приняв, начинает рассуждать о классиках.

- Взять того же Гоголя, - говорит. – Смешно, конечно, написано, но, если разобраться – говно... Или Зощенко. Тоже, конечно смешно, но, опять таки, говно, если разобраться...

Проходит некоторое время, он поворачивается ко мне.

- Прочел твои рассказы. Смешные.

- Я понял, - говорю. – Смешные, но говно.

Он посмотрел на меня строго и говорит:

- Не зазнавайся.

Первую мою книжку, которую я написал в соавторстве с другом, Мишкой Валигурой, издал в 1992 году человек, занимавшийся устройством концертов и продажей магнитных материалов. Это была приключенческая сказка для детей, тираж был по нынешним временам огромный – 100 000 экземпляров, но издание совершенно убогое. Впрочем, суть не в этом. Будущий издатель попросил нас прочесть вслух несколько глав, затем сказал:

- Достаточно. Будем издавать. Я просто хотел проверить вашу рукопись на эклектичность.

- В смысле? – не понял я.

- Ну, должен же я знать, сами вы ее сочинили или сперли у кого-то.

*

Он вообще был падок на эффектные слова, причем толковал их по-своему.

«Меркантильно, как цирк», - говорил он.

- Почему «как цирк»? – спрашивал я.

- А ты представь: огоньки, клоуны, все шумит, сверкает.

Меркантильно, словом.

Другое его излюбленное выражение – «ацидофильные мозги».

- Что значит «ацидофильные мозги»? – интересовался я.

- Это значит, вообще никаких мозгов нет, - пояснял он. – Полный ацидофил.

*

Тот же человек как-то спрашивает:

- Я вот вообще не могу понять: как вы пишете вместе?

- По-разному, - отвечает мой друг. – Если это наречие, то слитно. А если существительное с предлогом – раздельно.

Лондон, «Пушкин в Британии» 2012. После гала подходит ко мне очень милая и симпатичная женщина и говорит:

- Имей в виду, что сплетни о тебе распространяю я. Хочешь услышать последнюю?

- Давай, - говорю.

- В общем, ты, оказывается, напился, забрался в дом к пожилой женщине и там провел всю ночь.

- Ты только уточни для пикантности, - советую, - что женщину звали Елизавета, а домом был Букингемский дворец.

Она подумала и говорит:

- Тоже вариант.

Одна из киевских кухонь, читаю свои рассказы. Подсаживается ко мне эдакий добродушный увалень, доверительно приобнимает за плечи и говорит:

- Рад. Чесслово, рад. Давно мечтал познакомиться с писателем. У меня, понимаешь, уже много лет, как куча всяких важных вопросов назрела, а кроме писателя ответить на них некому.

- А что за вопросы? – интересуюсь.

- Ну, вот такой, например, вопрос: «нахер» вместе пишется или раздельно?

Коктебель, 1989 год. Я с друзьями хочу пройти в чайный домик, который находится в парке при Доме Творчества Писателей. Вахтерша нас не пускает.

- Вход – только по писательским книжкам, - заявляет она.

- У меня куча писательских книжек! – горячится мой приятель-армянин. – Мне тысяча писателей свои книжки дарили!

- Вот идите домой, пейте чай и читайте свои книжки, - отрезает вахтерша.

Тут я выступаю вперед и спрашиваю с наглостью 23-летнего:

- А писательских внуков пускаете?

- А ты – писательский внук? – интересуется вахтерша.

- Естественно, - отвечаю.

- И как зовут твоего дедушку?
- Звали. Ильф и Петров.
- Так их же двое!
- Вообще-то, - говорю, - это нормально, когда у человека два дедушки.

Еще одна из киевских кухонь, читаю рассказы в полужнакомой компании. Один человек очень внимательно слушает меня, а когда мы выходим покурить в коридор, доверительно сообщает:

- Смешно у тебя получается. Со мной вот тоже история произошла – готовый рассказ. Поехал я прошлым летом в Коктебель, решил сходить на нудистский пляж. Раннее утро, вокруг ни души. Разделся догола, зашел в море, минут двадцать проплавал, выхожу на берег – ни рубашки, ни штанов, ни трусов. Представляешь, да?

- Ну, а дальше? – спрашиваю.

- Чего дальше-то? Всё ж поперли. А в штанах, между прочим, бумажник с тысячей гривен лежал.

Я покачал головой и говорю:

- Не смешно.

Мой новый знакомец посмотрел на меня с обидой и говорит:

- Тоже мне писатель... Сволочь. У меня тыщу гривен украли, а ему не смешно.

Служил со мной в армии парнишка из Питера. Как-то зашел у нас разговор о ленинградском роке, в частности о БГ.

- У них музыки нет, - авторитетно заявил мой собеседник. – Одни стихи... Поэзия, - презрительно уточнил он. – В общем, говно. Тебе бы понравилось.

Одной из достопримечательностей Коктебеля был писатель Рюрик Баранов, с которым я познакомился, когда он был уже относительно пожилым человеком, а я – 22-летним юнцом. Худой и длинный, в роговых очках, с седыми волосами и седой бородой без усов, он ежевечерне прогуливался по набережной, держа в одной руке огромный кривой сук, служивший ему посохом, а другою поддерживая локоток какой-нибудь молоденькой девушки лет восемнадцати. Причем всякий раз это была новая девушка. Однажды некая писательская жена, которых в Коктебеле было множество, обозвала Рюрика «ювенофильным лолитоманом».

- Ладушка, - заметил ей Рюрик, - вы как супруга писателя должны понимать, что «ювенофильный лолитоман» - это недопустимая тавтология!

Писательская жена глянула на него с ненавистью и процедила:

- Тогда просто – старый козел!

*

Помню, как Рюрик восторженно рассказывал одному художнику на набережной:

- Какое дивное было лето! Столько комсомолок и ни одного триппера!

Однажды меня пригласили в соседний город на встречу любителей поэзии. Я поехал. Собравшиеся там действительно любили поэзию, но, к сожалению, без взаимности. Стихи читали по кругу, наконец, дело дошло до некоего пожилого человека. Он прочел (цитирую по памяти):

В любви, в поэзии, в науке,
Чтоб человечней миру стать,
Да не отсохнут ваши руки
Творить добро и благодать.

Я оживился, рассмеялся и захопал. Мне понравились «неотсыхающие руки» и юмор старика. По нехорошему молчанию я понял, что мой смех и аплодисменты были неуместны.

«Надо удирать в перерыве», - подумал я.

Удрать мне не удалось. Старик с неожиданным проворством настиг меня.

- Нет, вы мне объясните, - потребовал он, - с какой стати вы смеялись?

- И хлопал, - напомнил я.

- И хлопали – с какой стати?

- Извините, - сказал я. – Я подумал, что у вас такое тонкое чувство юмора.

- Возмутительно, - заявил старик. – Я пожилой человек, я всю жизнь пишу стихи, а вы мне говорите, что у меня чувство юмора!

Брюссель, 2009. В первый же вечер «Эмигрантскрй лиры» приглашает к себе в гости местный русский поэт по имени Степа – меня, мою знакомую и поэта из Ярославля Олега Горшкова. По дороге заезжаем в магазинчик, Олег со словами «русский поэт угощает!» берет литровую бутылку «Абсолюта». Приезжаем к Степе, у того дома сестра – очень красивая, на Мадонну похожа. – вьющиеся золотистые волосы. Сидим, пьем, болтаем, только начали читать стихи – водка кончилась. Мы с Олегом пошли по новой в магазинчик. Он опять заявляет: «Русский поэт...» «Помолчи», - говорю. Покупаю такую же литровую бутылку «Абсолюта», возвращаемся, откупориваем,

начинаем на сей раз читать стихи. Спустя некоторое время говорю Олегу тихонько: «Ты заметил, как Степкина сестра на Мадонну похожа?» «Ага, - говорит, - заметил. Я заметил, как она оставшиеся полбутылки куда-то заныкала, пока мы читали. Мадонна, бля...»

«Пушкин в Британии», 2012. Перед гала подходит ко мне Олег Борушко и спрашивает:

- Ну что, много пьете?

- Да нет, - отвечаю как-то виновато. – В этот раз не особенно.

Тут стоявший рядом Миша Попов замечает:

- Раз пришли и читают стихи – значит, трезвые.

Один мой приятель, сочинявший рассказы, пожаловался мне:

- У меня почерк совершенно жуткий. Бывает, напишу, а потом сам не пойму, чего написал. Вот, скажем, строчную «г» и «ч» пишу одинаково. Недавно перечитываю у себя такую фразу: «Он вздрогнул, затем широко улыбнулся». Как думаешь, я имел в виду «вздрогнул» или что-то другое?

Был у меня знакомый по имени Герман, который отлично играл на гитаре, прекрасно пел, но при этом совершенно наплевательски относился к текстам песен и безбожно их перевирал. Когда он однажды спел «Я в осеннем лесу пил березовый сок», я не выдержал и перебил его:

- А ландыши ты в осеннем лесу не собирал?

- При чем тут ландыши? – удивился он. – Про березовый сок песня.

- Который ты в осеннем лесу пил?

- А что такого? – говорит он. Затем подумал и пожал плечами. – Ну да... Я ж не виноват, что поэты всякую мутотень пишут.

В конце 80-х познакомился я с киевским поэтом Изяславом Винтерманом, и тот предложил мне проиллюстрировать книжку его стихов.

- Прошлую мне Митя Вайсберг оформил, - похвастался Изяслав.

Митя Вайсберг был уже тогда очень известным в Киеве художником.

- Ну, так предложи ему по новой, - ответил я.

- С ним невозможно работать, - вздохнул Винтерман. – Я ему говорю: «Митя, очень классные иллюстрации, но они никакого отношения к моим стихам не имеют». А он мне: «Ну, так напиши другие стихи».

Брюссель, «Эмигрантская лира», поэт Z клеит одну даму, убеждая пойти в его номер в отеле. Как раз в этот момент я прохожу мимо, чтобы взять бокал белого вина и, услышав разговор, роняю:

- Я бы не пошел.

Через некоторое время Z подходит ко мне и спрашивает с укором:

- Ты зачем это сказал?

- Что сказал?

- Что со мною не пошел бы.

- Не понял, - говорю. – А ты хотел бы, чтобы я с тобою пошел?

«Пушкин в Британии», 2009. Разговор зашел о женской поэзии. Поэт А. заявляет:

- У женщин стихи – как они сами. Бывают красивые, но не умные.

Бывают умные, но некрасивые. А бывают такие, что не знаешь, на что раньше смотреть – на ноги, на грудь или на попу.

Два киевских поэта, Д. и Ф., которые всегда были не разлей вода, смертельно разругались. Их приятели оказались в дурацком положении. Пригласить в гости одного значило обидеть другого, а проигласить обоих значило испортить вечер. Наконец, решили обратиться к Д. как более вменяемому.

- Будьте ж вы мужиками, - сказали ему. – Поговорите друг с другом, помиритесь...

- Не получится, - мрачно ответил Д. – Нельзя помириться с человеком после того, как назовешь его мудаком. А именно с этого слова наш разговор начнется.

«Пушкин в Британии» 2012, прием в российском посольстве. Знакомлюсь с поэтом Залманом Шмейлиным из Австралии.

- Наслышан, наслышан, - говорит он. – Мне о тебе много рассказывали. Станный, говорят, человек: поэт, а не пьет.

Я, мягко говоря, удивился.

- А тебе точно обо мне рассказывали? – спрашиваю.

- Точно.

- М-да, - говорю. – много интересных сплетен о себе слышал, но с такой гнусной клеветой сталкиваюсь впервые.

После вечера памяти поэта и барда Семена Каца в Касселе выходим на улицу покурить. Разговор заходит не о поэзии, а о глобализации. Один человек говорит:

- Я – русский. Жена моя – еврейка. Живем в Германии. Это и есть глобализация.

- Ничего подобного, - отвечаю. – Я – еврей. Мой зубной врач – китаянка. Муж ее – тоже стоматолог - венгр. Глобализация – это когда китаянка и венгр поочередно лечат зубы еврею.

Один литератор говорит:

- Некоторым поэтам нужно запретить употреблять в стихах слово «Бог» Оно у них звучит неприличней, чем другое слово из трех букв.

Несколько лет назад в одной русской газете прочел следующее: «На Маринину сейчас большой спрос. Эту писательницу хорошо иметь на книжных полках».

Несколько человек читают свои стихи на вечере в Мангейме. Один подходит к микрофону, шатаясь, и говорит:

- Вы, наверное, заметили, что я немного пьян. Я и не скрываю. Потому что имею право. Мне сегодня позвонили из больницы и сказали, что у меня родился сын. Скорее всего, мальчик.

Один мой знакомый редактор рассуждал:

- Литература – сложная вещь. Лично я до сих пор не могу понять, что хуже – эпилепсия Достоевского или жена Толстого.

Один мой друг говорил:

- Проза – это поэзия, успевшая опохмелиться.

Лас-Вегас, 1994 год. Я, в компании знакомой, ее матери и сестры, шляюсь по городу, время от времени захожу в казино и играю. Сперва выиграл двести долларов, затем всё проиграл. Знакомая с матерью и сестрой ушли в отель, а у меня осталось двадцать пять центов, которые я поставил на кон. Крупье обычно не общаются с клиентами, но мои двадцать пять центов так удивили девушку за игорным столом, что она спросила:

- Извините, а ... вы кто... по профессии?

- Я – русский поэт, - отвечаю нахально. – На гонорар играю.

Мой знакомый, узнав, что я принимаю участие в турнире «Пушкин в Британии», говорит:

- Странное название у турнира.
- Почему странное? – спрашиваю.
- Скупое какое-то. Неконкретное. Непонятно, в какой Британии – Великой, Малой или Белой.

Москва, 1995, Дом журналиста. Сидим небольшой компанией, пьем пиво с креветками. Между столами ходит некий человек с подбитым глазом, время от времени присаживается за какой-нибудь столик, что-то рассказывает и выпивает с гостями. Наконец, добирается до нашего стола.

- Добрый вечер, - говорит он. – Не хочется мешать, но хочется поделиться. Вот говорят, что у нас бандитский город. Это так, но некоторые бандиты выражаются столь изысканно, что иным писателям не мешает у них поучиться. Вчера останавливает меня какая-то компания. «Сейчас, - говорят, - мы, в зависимости от состояния твоего кошелька, будем тебя либо грабить, либо бить». А теперь посмотрите на этот синяк под глазом, и вы поймете состояние моего кошелька. Позвольте угоститься?

В армии я познакомился с парнишкой из Узбекистана Эркином Мухаммадрахимовым, который сочинял стихи и даже печатался в центральной ташкентской газете. Однажды он попросил меня перевести один его стих на русский.

- Я, - говорю, - вообще-то, не силен в узбекском.
 - Я тебе подстрочник сделаю! – убеждает Эркин.
- Словом, перевел я его стих. Эркин прочел и говорит:
- Да, жалко, что ты узбекского не знаешь.
 - Почему?
 - Из тебя мог бы выйти отличный узбекский поэт!

Брюссель, «Эмигрантская лира» 2009, поэты, знакомясь друг с другом, читают стихи. Стихотворец Z., приехавший в качестве гостя, декламирует один из своих «хитов». Сидевшая неподалеку от меня поэтесса негромко говорит:

- Конечно, бывает, что человек не дружит со своей головой. Но зачем так откровенно с ней враждовать?

Киев, вечер двух маститых поэтов. Один без особых предисловий читает стихи, другой читает меньше, но пересыпает свое выступление

напыщенными рассуждениями и цитатами. Предворяя очередной свой стих, заводит долгую речь и завершает ее булгаковским: «Рукописи не горят!» Сидевший рядом со мною старичок хмыкает и произносит вполголоса:

- В твоём случае правильней сказать: «Говно не тонет».

Писать стихи я начал довольно поздно. Зато один из моих друзей детства занялся подобным сочинительством лет в двенадцать и декламировал их повсюду и с удовольствием. Как-то идем мы с ним мы по улице, он стихотворно разглагольствует, а навстречу нам идет мужчина с мучительно нетрезвым видом. Сперва проходит мимо нас, затем притормаживает, поворачивает за нами следом и говорит:

- Какие умные дети! Какие талантливые дети! Дети, у вас копеек пятьдесят не будет? Вы же развитые дети, вы же видите – человеку похмельиться надо.

- Нету у нас пятьдесят копеек, - отвечаю.

- Эх, дети... А двадцать копеек? Человеку хотя бы покурить надо.

- И двадцать копеек тоже нету.

- Жлобье вы, дети... Дайте хоть пятак на метро!

Киев, 2011 год, турнир «Активация слова». Зачитывают рассказы или отрывки из сочинений победителей, потом вручают им награды. В частности, читают мой рассказик «Раки». После церемонии высказываются члены жюри. Слово берет Виктор Ерофеев.

- Я попросил бы, - говорит он, - встать автора, у которого в книге про раков.

Я встаю.

- Спасибо, - говорит Ерофеев. – Очень смешно.

- Не за что, - отвечаю. – Хотя уровень падает. В Ветхом Завете была Книга Пророков, а у меня книга про раков.

Сидим в редакции «Радуги» с Юрием Ковальским. В комнату вдруг вваливается молодой человек. Ковальский при виде его морщится, но вежливо здоровается. Молодой человек говорит:

- Юрий, я послушался вашего совета подсократить форму и написал вместо романа повесть. Рукописи у меня с собой, правда, нет, она в компьютере. Я вам пришлю ее по электронной почте?

- Пришлите СМС-кой, - говорит Ковальский.

- Как это СМС-кой? – удивляется молодой человек. – Туда ж только несколько фраз поместится.

- Тем лучше, - отвечает Ковальский.

Один приятель говорил мне:

- У мне вся эта литература, кино, физика и прочая зоология в одну кашу смешались. Только и помню, что Дон Жуан любил худеньких брюнеток, Казанова – пышногрудых блондинок, а Павлов экспериментировал на собаках.

Один мой германский приятель, познакомившийся с местной немкой, попросил, чтобы я перевел для нее на немецкий пушкинское «Я вас любил». Я сказал, что попытаюсь. Перевел. На следующий день он звонит мне и говорит:

- Миша, спасибо. Ночь была незабываемой. Но возникла проблема.
- Какая? – спрашиваю.
- Требуется, чтобы я познакомил ее с поэтом Пушкиным.
- А ты ей объяснил, что он давным-давно умер?
- Объяснил. Не верит.

Один мой классный армейский друг из Армении, Рома Жангарян, заводил иногда разговоры о русской литературе, которую у них в школе преподавали, видимо, каким-то странным образом.

- Нет, ты мне скажи, твой любимый русский писатель кто?
- Гоголь, - отвечаю.
- Эээ, - машет он рукой, - извращенец.
- Кто? – спрашиваю. – Гоголь или я?
- Получается, оба. Как ты можешь любить писателя, который главного героя обезьяним именем называет?
- Обезьяним именем?
- Скажешь, нет? Макакий Макакьевич, по-твоему, человеческое имя?

Звонит мне одна женщина из Штутгарта:

- Миша, я не была на вашем вечере, но мне очень много о нем рассказывали. Я бы хотела купить вашу книгу, но боюсь вас обидеть.
 - Чем обидеть? – удивляюсь.
 - Вы, поэты, такие неземные существа... Такие воздушные... Вы совершенно не умеете думать о деньгах... Сколько стоит ваша книжка?
 - Пятнадцать евро, - отвечаю.
- Некоторое время трубка молчала. Затем прозвучало:
- А вы корыстолюбивы.

Как-то выступал я в роли переводчика между одной немецкой фирмой, занимающейся оборудованием аэродромов, и делегацией из Узбекистана и Кыргызстана, желающей это оборудование приобрести. Вечером идем в ресторан, едим, ребята из Узбекистана и Киргизии недурно выпивают, представитель немецкой фирмы и я (поскольку на работе) по чуть-чуть. Тут глава делегации, эдакий бай, немного раздражающий самоуверенностью, говорит мне:

- Переведи ему, что у меня сын и дочь. Люди искусства. Сын стихи пишет.

Я перевожу:

- У него сын и дочь. Люди искусства. Сын стихи пишет.

- Вау, - с вежливым равнодушием говорит немец.

- А дочь, - продолжает «бай», - на пианино играет.

- А дочь, - перевожу, - на пианино играет.

- Вау, - хладнокровно восхищается немец.

- Я ей лучшее пианино купил, - горделиво заявляет глава. -

Девятнадцатого века, «Красный октябрь».

- А вот эту херню, - отвечаю, - можешь сам ему переводить.

- Зачем такие слова говоришь? Почему херню?

- А что еще за «Красный октябрь» девятнадцатого века?

- Не понимаешь, да? Думаешь, в честь революции назвали? Нет, в честь осени. Октябрь, листья красные.

- Что он говорит? – спрашивает меня немец.

- Он говорит, - отвечаю, - что его сын стихи пишет.

- Он же про это уже рассказывал! – удивляется немец.

- Рассказывал. А сын всё пишет и пишет. Пишет и пишет...

Знакомый говорит:

- Купил своему ребенку очень полезную книгу. Уголовный кодекс для детей.

- Ничего себе, - говорю. – А кто автор?

- Чуковский. Называется «От двух до пяти».

Лондон, Пушкин в Британии» 2012, разговор после дискуссии о творчестве Цветаевой.

- У Цветаевой с Пушкиным вообще тонкая перекличка. Недаром она написала книгу «Мой Пушкин».

- Ну да. А Чуковский недаром написал книгу «Мой Додыр».

Девятый класс, сочинение по «Евгению Онегину». Один мальчик пишет такое: «Онегин убил Ленского за то, что тот был поэтом. Потом за это убили самого Пушкина».

Сам свидетелем не был, передаю рассказанное. Восьмидесятые годы, заседание секции детской литературы. Один поэт, неудачно оказавшийся в первом ряду, откровенно скучает и вот-вот заснет. Председательствующий несколько раз неодобрительно на него косится, затем не выдерживает:

- Сергей Леонидович, я вижу, у вас свои мысли по поводу современной детской литературы. Может, поделитесь с нами?
- Могу и поделиться, - пожимает плечами тот. – Я вот думаю, что если чебурашке оторвать уши, то получится мурзилка.

Кстати, о классике. Один знакомый спрашивает меня:

- Как думаешь, «Идиот» - автобиографичная вещь?
 - За исключением некоторых моментов – нет, - отвечаю.
 - А «Игрок» - автобиографичная вещь?
 - За исключением некоторых моментов – да.
- Он приумолк.
- Ты чего? – спрашиваю.
 - Думаю о некоторых моментах, - отвечает он.

Еще одна байка, связанная с классиками. Тот же приятель мне говорит:

- То ли мы испорченные люди, то ли классики русской литературы позволяли себе интересные шутки.
- Например? – спрашиваю.
- А ты «Севастопольские рассказы» читал?
- Читал, конечно.
- Как тебе такое: «Комендант крепости с удовольствием показал новоприбывшему офицеру свое хозяйство»?

Одна известная киевская поэтесса (ныне, к сожалению, покойная) говорила:

- Раньше я любила романтиков и шампанское. Теперь мне нравятся циники и водка. Ничего не поделаешь, даже Александр Грин разочаровался в романтизме: начал «Алыми парусами», а закончил «Серым автомобилем».

Киев, в одном любительском театре идет репетиция «Маленьких трагедий» Пушкина. Актер, исполнявший роль Моцарта, разругался накануне с актером, игравшим Дон Гуана. Во время прогона «Моцарта

и Сальери», первый, покосившись в зал, где сидел его новоприобретенный недруг, обращается к партнеру по сцене:

- А правда ли, Сальери, что Дон Гуан кого-то отравил?

Тот автоматически отвечает:

- Не думаю... А хули Дон Гуан?

Зимой этого года еду по Киеву в такси. Разговорился с водилой, тот спрашивает:

- А ты чем вообще занимаешься?

- Да так, - отвечаю, - разным.

- Не, а конкретно?

- Ну, рассказы пишу... Стихи... Картины.

- Молодец, - кивает таксист. – Я бы тоже с удовольствием ни хрена не делал.

В небольшом городке в Киевской области администратором местного Дома Культуры работал один очень маленький, но необычайно энергичный еврей, которого за невоздержанный язык выгнали из Укрконцерта и отправили поднимать культуру на периферии.

Пользуясь прежними киевскими связями, человек этот умудрялся залучать в городок фокусников, акробатов, чтецов и даже лилипутов. От лилипутов публика просто млела.

Однажды он был вынужден пригласить чтеца, народного артиста республики. Тот вальяжно вышел на сцену и, наслаждаясь собою, принялся декламировать из Маяковского:

- Разворачивайтесь на марше! Словесной не место кляузе...

Не успел народный дойти до «товарища маузера», как из публики в него полетел ботинок. Народный опешил, затем, негодуя, удалился со сцены. Маленький администратор подскочил к нему и говорит:

- Вы только, ради Бога, не обижайтесь. Это ж провинция, дикий народ... А вы им про какие-то блядские марши. Рассказали бы чего попроще. Рассказали бы анекдот. Рассказали бы анекдот про жопу. Идите и расскажите им анекдот про жопу.

- Что? – возмущается чтец. – Я, народный артист... буду рассказывать анекдоты про жопу?

- А что такое? – удивляется администратор. – Вы бывали в местах поинтересней? Хорошо, сидите здесь, я сейчас всё улажу.

Он выходит на сцену, грозно обводит взглядом притихший зал и заявляет:

- Вы мудаки! Я пригласил народного артиста республики! Народного арти... Короче, если еще одна сволочь швырнет ботинком – вот вы у меня увидите цирк, вот вам будут лилипуты!

Брюссель, «Эмигрантская лира» 2009. Подходит ко мне незнакомый человек и говорит:

- Привет!

- Привет, - отвечаю несколько удивленно.

- Узнал меня?

- Нет, - говорю, - не узнал.

- Ну да, мы же не встречались. Но слышал обо мне?

- А ты кто? – спрашиваю.

- Ну да, я же не назвался. Я ... - Он представился.

- Нет, - говорю, - не слышал.

- Ну да, ты же мог имени не запомнить. Хотя странно. Но стихи-то мои читал?

- Откуда я знаю? – отвечаю уже немного нервно.

- Ну да, откуда тебе знать. Да наверняка читал! Я же твои читал.

Хочешь, скажу, в чем недостаток твоих стихов?

- Нет, - говорю, - не хочу.

- Ладно. Хочешь, скажу, в чем достоинство твоих стихов?

- Тем более не хочу, - отвечаю.

Он посмотрел на меня удивленно и говорит:

- Странно. Очень странно. Впервые вижу, чтобы человек так наплевательски относился к тому, что он пишет.

Лондон, 2011. Во время очередного возлияния поэт Ш. говорит мне тихонько:

- Знаешь, чем мы отличаемся от обычных алкоголиков?

- Не знаю, - отвечаю.

- И я не знаю. Но потомки в этом разберутся.

После поэтического вечера в Мангейме один из выступавших вместе со мною поэтов хвастливо заявил:

- У меня каждый третий стих – про женщину. Даже каждый второй.

Точней сказать, у меня все стихи – про женщин.

- Да? – удивляюсь. – А мне показалось, что один стих у тебя был про собаку.

Тот задумался и говорит:

- Я даже когда про собаку пишу, имею в виду женщину.

На очередном турнире «Пушкин в Британии» беседуют поэты М. и Н.

- Я уже выступал в столице Англии Лондоне, - рассказывает Н. –

Кроме того, я выступал в столице Бельгии Брюсселе, в столице Австрии Вене...

- И с чем ты там выступал? – перебивает его М. – С лекциями по географии?

В начале моей германской эпопеи я познакомился с неким Михаилом Фридманом, который организовывал гастроли русских артистов по Германии и собирался издавать двуязычную газету «Treffen-Встреча».

- Ты ведь рассказы всякие пишешь? – говорил он.

- Пишу, - отвечал я.

- Можно будет печатать. И стихи ведь тоже пишешь?

- Пишу.

- Также можно будет печатать. И рисуешь ведь?

- Рисую.

- Можно будет и рисунки иногда печатать. В смысле – карикатуры.

- Я, - говорю, - еще немного играю на гитаре и пою. Можно будет в твоей газете спеть?

Несколько лет назад праздную день рождения. Принимаю подарки. Один приятель говорит:

- Долго думал, что ж тебе подарить. Потом вспомнил, что ты, типа, писатель, а книга, типа, лучший подарок. Короче... – Он достает из пакета бутылку немецкой водки «Pushkin» и протягивает мне. – Вот, держи. Читай Пушкина в стеклянной обложке.

Киев, сидим неплохой компанией в доме Лиды П. – пишушие и сочувствующие. Прозаик Ч., крупный мужчина, но, видимо, малопьющий, после третьей рюмки начинает философствовать:

- Главное не «что» и не «как», а «почему». Почему Толстых было три, а Достоевский один? Почему «кобель» звучит хорошо, а «сука» плохо? Почему, в конце концов, спорт называется конным, а навоз конским?

Однажды приходит ко мне новая знакомая, разглядывает книжки на полках и спрашивает:

- Ты всё это сам написал?

- Конечно, - отвечаю, решив, что она шутит.

Она вдруг обижается и говорит:

- Совсем меня за дуру считаешь? Почему мужики всегда врут и думают, что они умнее других?

- Ты чего? – спрашиваю изумленно.

- А того! – Она берет с полки книгу. – Тут написано: Гоголь, Хочешь сказать, что ты Гоголь? А тут, - она хватает следующую книгу, - написано: Толстой. Хочешь сказать, что ты еще и Толстой?

- Да успокойся ты, - говорю.

Она и в самом деле успокоилась, сидим, мирно беседуем. Тут она снова поглядела на книжные полки и дружелюбно говорит:

- Нет, правда, неужели всё сам написал?

Седьмой класс, урок литературы по «Тарасу Бульбе». Обсуждаем момент смерти Тараса. Учительница спрашивает:

- Как вы думаете, что хотел подчеркнуть Гоголь описанием смерти Тараса Бульбы?

Один мальчик встает и отвечает:

- Он хотел подчеркнуть, что Тарас Бульба – герой, но курить вредно.

Рассказывал Миша Попов:

- Некоторые поэты даже не подозревают, что пишут юмористические стихи. Помню, один читал свои тексты с невероятным пафосом, даже с надрывом, а жюри буквально умирало со смеху.

Знакомый рассказывает:

- С одной стороны жаль, что в детстве почти не читал, зато теперь с удовольствием читаю книги, которые должен был прочитать в детстве. Недавно вот «Человека без лица» прочел – классная вещь!

- А ты уверен, что должен был прочесть ее в детстве? – удивляюсь. – Бестер, вообще-то, не очень детский писатель.

- При чем тут Бестер? – ответно удивляется мой приятель. – Это же этот... Майн Рид.

- Майн Рид – это «Всадник без головы», - говорю.

- Точно! – Он хлопает себя по лбу. – Хотя... Всадник – он тоже человек. А если без головы, так уж точно без лица.

(продолжение, возможно, следует)